

ДИСКУССИИ DISCUSSIONS

Уважаемые читатели и авторы журнала

Редакция предлагает вашему вниманию статью В.В. Бабашкина и С.И. Толстова по актуальной проблеме необходимости в современной России единой идеологии как условия упрочения естественно-исторического единства наших соотечественников для организации дискуссии. Ваши мнения и суждения по теме статьи просим направлять по электронной почте don.kabytov2012@yandex.ru до 18 ноября.

В предлагаемом тексте авторы намеренно до предела заострили постановку вопроса и сделали это посредством утверждения, что национальная идеология у народа нашей страны была всегда. И это был отнюдь не «марксизм-ленинизм» позднего СССР и уж тем более не рыночный либерализм дня сегодняшнего. Обе эти версии теории прогресса одинаково далеки от справедливости и здравого смысла в трактовке главного события в истории СССР – коллективизации. Надеемся на отклик со стороны коллег-историков и других профессионалов в области гуманитарного знания. Статья приводится в авторской редакции.

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-11-19

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93

Дата поступления: 17.02.2024
рецензирования: 19.03.2024
принятия: 02.09.2024

Коллективизация как страница истории и ее место в национальной идеологии современной России

В.В. Бабашкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0980-8449>

С.И. Толстов

Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: shpakras@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость того, чтобы национальная идеология современной Российской Федерации базировалась на адекватных представлениях об основных событиях советского периода истории страны. Российская историография с неизбежностью сформирует систему таких представлений в ближайшем будущем. Центральным из таковых событий авторы с уверенностью называют коллективизацию крестьянской деревни, показывая, почему советская версия коллективизации приблизительно в той же мере далека от исторической правды, что и идеологическая трактовка 90-х гг., пришедшая на смену «марксизму-ленинизму». Историческое краеведение и семейные хроники содержат одно из главных тому доказательств, подтверждающих состоятельность краеведения как инструментария историко-социологических исследований.

Ключевые слова: коллективизация; история России; национальная идеология; историческая правда; краеведение.

Цитирование. Бабашкин В.В., Толстов С.И. Коллективизация как страница истории и ее место в национальной идеологии современной России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С. 11–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-11-19>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бабашкин В.В., Толстов С.И., 2024

Владимир Валентинович Бабашкин – доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82.

Сергей Иванович Толстов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, Томский государственный педагогический университет, 634061, Российская Федерация, г. Томск, ул. Киевская, 60.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.02.2024
Revised: 19.03.2024
Accepted: 02.09.2024

Collectivization as a page of history and its place in the national ideology of modern Russia

V.V. Babashkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

E-mail: vbabashkin@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0980-8449>

S.I. Tolstov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

E-mail: shpakras@mail.ru

Abstract: The article substantiates the necessity of the national ideology of the modern Russian Federation to be based on adequate representations of most important events of the Soviet period of the country's history. Russian historiography will inevitably form a system of such representations in the near future. The authors confidently position collectivization of the peasant village as the central of the events in question, showing why the Soviet version of collectivization is approximately as far from the historical truth as the ideological interpretation of the 90s, which arrived to substitute the so-called «Marxism-Leninism». Local history investigations and family chronicles contain one of the principal proofs of this, confirming the consistence of Peasant Studies as a tool for historical and sociological research.

Key words: collectivization; history of Russia; national ideology; historical truth; peasant studies.

Citation. Babashkin V.V., Tolstov S.I. Collectivization as a page of history and its place in the national ideology of modern Russia. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 11–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-11-19>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflict of interest.

© Babashkin V.V., Tolstov S.I., 2024

Vladimir V. Babashkin – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Political and Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation.

Sergey I. Tolstov – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Science, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya Street, Tomsk, 634061, Russian Federation.

Введение

На вопрос, нужна ли сегодня России единая национальная идеология, многие коллеги-историки продолжают отвечать отрицательно, ссылаясь при этом на ст. 13 Конституции РФ. Это неправильный ответ. В обозримом прошлом наличие такой идеологии на всех исторических этапах было неременным условием существования нашей страны. Кто знаком с фольклором народов России, тот понимает, о чем речь. Следовательно, вопрос нужно ставить иначе: а откуда взялась в нашей современной Конституции эта статья 13? «Чертова дюжина», как именуют в народе это числительное. Нет ли в нашем юридическом и политологическом сообществе людей, которые говорили бы о необходимости создания нового конституционного документа [Тараканов 2023, с. 6–7; Клеандров 2022]? Разумеется, новый Основной Закон страны должен исключить эту и целый ряд других статей, подрывающих естественно-историческое единство многонациональной Российской Федерации.

А откуда взялся этот образ России будущего, который и был зафиксирован текстом Конституции 12 декабря 1993 г.? Он прямоком проистекал из серьезно искаженного образа России прошлого, который до массового потребителя исторической информации доносили в те времена тексты Солженицына или, к примеру, пьеса М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше...» [Кабытов 2016, с. 52–53; Бабашкин 2021, с. 11]. В Конституцию

поправки внести несложно, что и было сделано в июне-июле 2020 г. А вот как поправить то положение вещей, когда слишком многие из наших соотечественников испытывают сугубо отрицательные эмоции, услышав такие слова, как «большевики», «коммунисты», «Ленин», «революция», «коллективизация»?.. Как вообще так получилось, что нам успешно привили чувство стыда за то, чем мы не просто вправе – обязаны гордиться?

Все это вопросы риторические. Заинтересованные люди знают ответы, хотя мы не исключаем, что все же пока что в этих ответах может наблюдаться (не может не наблюдаться) некое разнообразие – «плюрализм» (почти как в ст. 13). Но чтобы подчеркнуть, что вопросы это ненадуманные, приведем один факт. Да какой! Вот подстраничная сноска на с. 47 новейшего учебника по истории России для 10 класса средней школы, который издан в 2023 г. и наконец-то вводится как *единый* для всей территории РФ. В единстве (хоть ты *тоталитаризмом* его называй) – вся наша сила. После описания событий «Великой войны» 1914–1918 гг. (так именуется в тексте учебника то, что по сути своей было империалистической бойней) доходит речь до бурных политических событий весны-осени 1917 г. в России, и делается следующая сноска: «В исторической науке закрепился термин “**Великая российская революция**” – по аналогии с революцией XVIII в. во Франции и прежним названием октябрьских событий 1917 г. (Великая

Октябрьская Социалистическая революция). Революция в нашей стране действительно оказала огромное влияние как на развитие нашей страны, так и на все последующие общемировые процессы. В этом отношении оценка профессиональных историков обоснованна. Однако последствия революционных событий 1917–1922 гг. стали и трагическими: слом традиционного жизненного уклада, разруха, голод, гибель и эмиграция миллионов сограждан; самое страшное – последовавшая беспощадная братоубийственная Гражданская война. Поскольку значение слова “великая” в русском языке обычно подразумевает положительную оценку, далее в тексте учебника используется сокращенный термин **“Российская революция”** (Мединский, Торкунов 2023).

Незадачливым авторам учебника и в голову не приходит, что датировать «Российскую революцию» 1917–1922 годами – отнюдь не бесспорно. Кто-то в нашем историческом цехе уже пишет о революции в России 1902–1935 гг., подчеркивая при этом именно величие ее: она не сводилась к верхушечным переворотам в политической элите; ее сознательно и организованно осуществлял сам крестьянский народ страны, заставляя при этом политическое руководство делать то, что должно (Бабашкин 2024). В такой постановке вопроса коллективизация – это и есть победа народной революции в России/СССР. Нужно отдать должное авторам критикуемого учебника, там присутствуют такие слова: «Созданная на селе в период коллективизации система организации труда (колхозы и совхозы как структурные единицы сельскохозяйственного производства) продемонстрировала уникальную устойчивость. Коллективный трудовой подвиг, совершенный колхозным крестьянством в годы Великой Отечественной войны, был бы невозможен в случае преобладания единоличных хозяйств» (Мединский, Торкунов 2023, с. 365).

При этом сам параграф, посвященный коллективизации (Мединский, Торкунов 2023, с. 221–228), звучит во многом в унисон с соответствующим параграфом предыдущего издания школьного учебника, который завершается такой вот цитатой из пособия по истории для бакалавров того же 2017 года издания: «В результате коллективизации установилась система “военно-феодальной эксплуатации” деревни государством, которая на протяжении десятилетий вполне устраивала партийно-государственную верхушку» (История 2017, с. 141). Если это не отголоски *единой* идеологии, что навязывалась нам, вопреки упомянутой ст. 13, на протяжении более чем трех десятилетий, то что это?

Основная часть

Нам куда ближе та постановка этого центрального, по нашему убеждению, вопроса современной идеологической борьбы, которую П.П. Марченко и С.Ю. Разин сформулировали так: «Да и та же коллективизация, которая столько раз недобрым

словом помянута была сегодня за нашим “круглым столом” – это что, какой-то абсолютно внешний по отношению к русскому крестьянству проект? Или это реализация того, что уже было потенциально заложено в самом крестьянстве? Разве это не – пусть не самый лучший, но все-таки – вариант развития крестьянской общины? И разве у процесса явного “раскрестьянивания” сталинской России, о котором столько сегодня говорили, не было неясной, изнаночной стороны – “окрестьянивания”, при котором вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна превращалась в одну гипертрофированную крестьянскую “коммуну”, “социалистическая экономика” которой резонировала с общинной “моральной экономикой”, а все базовые идеологически “новые” ценности корреспондировали с устоями сельского “мира”? Разве само крестьянство не приносилось в жертву во многом именно во имя воплощения крестьянской утопии?» [Марченко, Разин 2014, с. 601].

Будучи приверженцами крестьяноведения как эффективной методологии исторического познания, уже убедительно показавшей свой универсальный характер, мы критично восприняли введенный в вузовский учебный процесс такой учебный предмет, как «Основы российской государственности» (ОРГ). Оговоримся: «критично» не в смысле неприятия, а с точки зрения стандартного научного выявления сильных и слабых сторон этого предмета с позиций крестьяноведения – раздела знания, игнорирование познавательного потенциала которого для адекватного понимания российской истории в академическом сообществе историков и социологов уже становится моветоном. При всей предметной эклектичности этой учебной дисциплины для первокурсников отрицать ее актуальность не приходится, хотя обоснование необходимости введения ОРГ авторами этой инициативы представляется витиеватым, что дает основания для скептического отношения к нему со стороны привлекаемых к его преподаванию специалистов-обществоведов. На наш взгляд, необходима более глубокая и открытая актуализация учебной дисциплины с тем, чтобы не допустить перехвата первенства права интерпретаций содержания преподаваемого курса теми, кто поближе к власти, т. е. только с высот властно-бюрократических структур, чтобы четко придерживаться целеполагания. Последнее крайне важно, ибо предмет далек от каноничности, и внесение корректив в содержание ОРГ по ходу накопления его мировоззренческой результативности подразумевается по определению.

Не вдаваясь в анамнез того, как наша государственность как атрибут цивилизационной идентичности оказалась у последней черты, констатируем, что для выведения ее из этого состояния понадобилось использовать чрезвычайные меры антикризисного управления. В гуманитарной сфере как раз одним из таких средств стал

новый учебный предмет-конструкт ОРГ. Транзит от банального плюрализма мнений в годы «перестройки» до полной концептуальной неопределенности среди «образованщины» на протяжении жизни одного поколения (25 лет) дал с точностью до наоборот неожиданный для субъектов управления этим процессом эффект: осознание основной массой населения на уровне здравого смысла того, что перспектива оказаться объектом управления в трансгуманистическом обществе для этой основной массы неприемлема; что духовно нужно оставаться самими собой в новой информационной реальности, когда изолироваться от глобального пространства нельзя и ненужно. При этом молодое поколение составляет релевантную часть данного эмоционально-эвристического состояния. Однако все эти благоприятные предпосылки необходимо заново операционализировать посредством постулирования в необходимом и достаточном объеме и, соответственно, обеспечить научной лексикой. Делать это нужно срочно и без чрезмерных сомнений и даже рефлексий. Главное, чтобы под интуитивные ожидания был сформулирован понятный аппарат, обозначающий цивилизационную специфику нашей государственности и унифицирующий мировоззренческую повестку. Требуется стандартизация мировоззрения, которая будет детерминировать консолидированное социальное поведение в нашем обществе. При этом какие-либо ограничения свободы выбора индивидов исключаются, ибо в системе общественного согласия личностная самореализация людей как раз происходит легче, более защищенно, что ли.

Наша история – мощное подспорье в этом деле. Прежде всего – и с большим отрывом по важности от всего остального – в этой перекличке истории с современностью необходимо принимать во внимание общинные практики жизни. В их контексте формировались и эволюционировали стереотипы нравственного поведения людей, и регуляторами ононого были обычаи, пословицы, поговорки, былины, сказания, частушки. Отношения государства и традиционного общества в пределах регламентировались, наряду с законом, главным образом адаптированной под народные представления о балансе интересов версией христианства – православием. В некотором роде традиционное крестьянское общество находилось в режиме самоуправления; государство ему было нужно как защита от внешней угрозы и как интегратор его взаимодействия со всей остальной социальной действительностью.

Уровень экономического развития и качество жизни были таковы, что удовлетворялись только производственно-демографические потребности, семья была хозяйственной единицей, а дети – производственным ресурсом. Это было настолько естественной нормой выживания и воспроизводства общества, что в преемственности поколений они в результате многовековой повторяемости превратились сначала в рациональную традицию,

а далее произошла их естественная сакрализация. Данные параметры практики жизни из рациональных категорий превратились в духовные традиционные ценности, приоритеты смысла жизни. По мере роста производительности труда, перехода к индустриальному обществу данные духовные ценности обретали такие свойства, что все меньше оставалось оснований сводить их просто к условиям выживания; они продолжали действовать все более независимо, сами по себе, трансформируя многодетную семью в потенциал развития общества и государства. Все наработанные веками этические, культурные, религиозные обоснования традиционных ценностей духовно скрепили общественные отношения, обусловили единение власти и народа. Конечно же, эти теоретические положения не исключают высокочастотные (тактические) общественные противоречия, но, напротив, даже подразумевают их как движущую силу функционирования и развития общества, государства, цивилизации. На уровне же низкочастотном (стратегическом), когда действуют уже международные – а сегодня уже проявленные глобальные – противоречия, духовные скрепы – это основополагающий, фундаментальный ресурс конкурентоспособности нашей России, страны-цивилизации.

Так вот животворящая сила традиционных семейных ценностей настолько явственна, что вокруг них, как доминантной идеалистической нормы, ломаются копыя, причем сейчас уже не латентно, а открыто на фронтах идеологической борьбы. Будучи уже не производными от текущей материальной практики жизни, они могут быть привиты только эмоционально-эвристически. Наше подрастающее поколение чуть было не оказалось заложником идеологии постмодерна со всеми его мировоззренческими извращениями (чайлдфри, гедонизм и пр.) и представлением о стирании граней между цивилизациями, о непротиворечивости глобального пространства в связи с концентрацией мировой экономики. Между тем принципиально разные культурно-духовные основания в разных частях мира на сегодняшний день с очевидностью привели к фиаско англосаксонскую версию глобализации. Настала пора, по крайней мере у нас, концептуально самоопределиться в своей цивилизационной идентичности. Россия как государство-крепость была и остается системообразующим фактором русской многонациональной цивилизации. Сейчас это все срочно нужно застраховать изнутри. Главный страховочный механизм – устойчивое патриотическое мировоззрение. Последнее должно стать религиозным категорическим императивом общества. Однако исключительно религиозными способами воспитать в массе своей это состояние души в открытом информационном обществе невозможно, да и ненужно. Науку гуманитарную еще никто не отменил, так как она еще не достигла способности быть символом веры, не соединилась с религией. Все впереди, ибо знание целостно, и на уровне

экспериментально-опытной непознанности, то есть на трансцендентном уровне, объединение интеллектуальных усилий с религией неизбежно. Подрастающее поколение просто нужно вовремя и уместно обучать, прививать ему научное гуманитарное мышление.

Повторимся, введение дисциплины ОРГ весьма целесообразно. Как говорится, лучше позже, чем никогда. И именно на первом курсе вуза сейчас эта дисциплина, как никогда, актуальна. На школьной скамье подрастающее поколение эмоционально проявляется в своей естественной любви не только к большой Родине, но и даже к малой (хотя последовательность должна быть обратной: как сначала арифметика, а потом алгебра, так и сначала краеведение, а затем история). Однако, когда молодые люди вступают в пубертатный возраст, у них обостряется потребность рационализировать патриотизм посредством верификации (проверки на истинность) непреложности любви к Родине категориями доказательности и красоты. Так вот сегодня не нужно повторять ошибок преподавания идеологических дисциплин в СССР.

Прежде всего важно открыто и честно показывать развивающийся в последние десятилетия системный кризис в стране, одним из средств преодоления которого и подразумевается такая учебная дисциплина в вузе, как ОРГ. Обращение к ретроспективному исследовательскому подходу в этой связи уже безусловно. Далее – как само собою разумеющееся – формирование представления о норме: здоровое российское цивилизационное состояние и адекватное ему государство. Без этимологии проблемы не обойтись. Вот и выход на приоритет истории в рабочей программе по учебной дисциплине ОРГ. При выяснении своеобразия и даже феномена России нужна соответствующая методология познания. Для молодых людей вообще крайне важно самостоятельно через познавательную рефлексию прийти к концептуальному самоопределению, тем самым приобщившись как минимум к государственной идеологии, а по максимуму – к цивилизационному знаменателю. Кстати, идеология – это, конечно же, набор определенных идеологем, которые в известном смысле аналогичны религиозным догмам. Она нужна, как нужна системно мыслящему человеку константа, точка отсчета в системе координат жизни, с тем чтобы от неупорядоченности переменных величин, то есть плюрализма моральных принципов, свойственных индивидуалистически-потребительской культуре, не впасть в когнитивный диссонанс и прочие психологические расстройства. Только приверженность ей в условиях информационного общества должна быть осмысленной, осознанной, обусловленной генетическим потенциалом и приемлемыми факторами социокультурной среды. Надо констатировать, что формирующая молодого человека довузовская среда дифференцирована во всех отношениях, в этой связи дисциплина ОРГ призвана выровнять мировоззренческие представления о Российском государстве. Но не как навязанный

катехизис, а как матчасть смыслового исторического конструкта, в которой человек должен разбираться. Инструментарий анализа и синтеза государства также должен быть унифицированным.

Своеобразие истории нашей государственности не вызывает в историографии сомнений. Те или иные историографические позиции на разные исторические сюжеты только помогают ответственно извлекать уроки: брать полезное, отказываться от ошибочного.

Представляется странным, что в курсе ОРГ в том виде, в каком он на сегодняшний день доступен преподавателям в имеющихся пособиях и учебных программах, Российское государство недостаточно охарактеризовано с позиций крестьяноведения – даже по умолчанию, не говоря уж о том, чтобы по оглашению. Да даже и аграрный компонент там нерелевантен. Сохраняются основания многие предлагаемые там постулаты воспринимать эмпирически-интуитивно и, разумеется, не без скептицизма. Они и правда порой звучат как банальные либеральные дефиниции или же как психотропикосткая одержимость тоталитаризмом. Студенты не верят в необходимость равняться на традиционные семейные ценности, ибо им кажется, что это созвучно архаизации жизни. А это не так, причем с точностью до наоборот. Ценности выросли на почве традиционного крестьянского хозяйствования, но обрели универсальный регуляторный характер для индустриального и постиндустриального обществ. Так что давайте «отделять мух от котлет» и «не выплескивать с грязной водой и ребенка».

Если крестьяноведение, которое само по себе продукт русской почвы, не задействовано, то это – злой умысел или глупость, что еще хуже. Нам могут возразить: какой, мол, русской почвы продукт, если «Журнал крестьянских исследований» (*The Journal of Peasant Studies*) был создан в Лондоне еще в 1973 г., когда в СССР никаким крестьяноведением и не пахло. Есть резон, тем более что именно англоязычное словосочетание *Peasant Studies* два десятка лет спустя стали переводить на русский словом «крестьяноведение» [Кедров 2022, с. 213–214], и слово, к счастью, прижилось в нашем академическом сообществе. Но такое возражение дает нам отличную возможность лишний раз подчеркнуть, что крестьяноведение в том смысле, в котором мы употребляем слово в этом контексте, уже во весь свой огромный рост присутствовало в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, «Устоях» Н.Н. Златовратского, «Власти земли» Г.И. Успенского и, конечно же, в письмах «Из деревни» А.Н. Энгельгардта [Бабашкин 2013].

Не упустим мы возможности подчеркнуть в этой связи также и то, что в СССР 1970-х гг. этот методологический подход был как бы нелегален, поскольку крестьяне официально ассоциировались с некой архаикой, в то время как страна якобы была уже на пороге построения к 1980 г. самого передового социально-экономического устройства – коммунизма. И это – одно из самых выразитель-

ных исторических свидетельств того, сколь разрушительной может оказаться неадекватная государственная идеология, фальшь которой остро ощущается огромным большинством населения нашей страны и едко высмеивается на уровне политического анекдота и других фольклорных жанров. Можно было бы поразмышлять в этой связи о том, насколько принципиально расходились теоретические убеждения по аграрному вопросу позднего Сталина и Хрущева начала 50-х гг., которого первый за эти его взгляды насмешливо называл «наш маленький Маркс» [Бабашкин, Толстов 2016, с. 230]. Но мы воздержимся, поскольку это неизбежно выведет на необходимость использовать сослагательное наклонение, которого было в избытке в 90-е гг., когда целая литература создавалась о том, как все было бы здорово в отечественной истории, если бы не кошмары «преступной сталинской коллективизации» [Современное... 2015, с. 159–220, 383–413]. Мы здесь лишь констатируем, что история не использует частицу «бы», и, если «наш маленький Маркс» сотворил с МТС, ЛПХ, «неперспективными деревнями», целиной и кукурузой то, что он сотворил в контексте своей политики укрупнения колхозов (а по сути – огосударствления колхозов), значит, истории это зачем-то понадобилось. Наша задача – попытаться понять, зачем, и это более чем уместно при работе со студентами по дисциплине ОРГ.

В каком-то смысле аграрную политику 50–60-х гг. можно было бы назвать «второй коллективизацией» для удобства сравнения (и даже противопоставления) убеждений и действий Сталина и его наследника на высшем советском партийно-государственном посту в области решения аграрно-крестьянского вопроса в эпоху индустриализации страны. Хрущев, руководствуясь идеалами троцкизма, уверенно повел страну по пути реализации лево-глобализационного проекта. Он был убежден в том, что Советский Союз как естественный лидер мирового революционного движения просто обязан задать некий шаблон для государств, «вставших на путь строительства социализма» в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии, и по этому заданному образцу они должны были бы действовать по отношению к большинству населения своих стран, проживавшему в деревне и занимавшемуся сельским хозяйством. И этот шаблон был задан, но он оказался неприемлем для огромного большинства случаев, связанных с зарубежными попытками создания сельскохозяйственных кооперативов по типу советских колхозов. С одной стороны, это не могло не подрывать веру политических руководителей новоиспеченных соцстран, стран «народной демократии» (если таковая вера там имела место), что марксизм-ленинизм, научный коммунизм (официальная идеология в СССР до рубежа 80–90-х гг.) как общественная наука действительно оперирует объективными закономерностями «социалистического строительства».

С другой стороны, есть серьезные основания полагать, что в своих последних работах в области

политэкономии, составивших книгу «Экономические проблемы социализма», Сталин обосновывал принципиально иную логику дальнейшего развития в нашей стране и аграрно-крестьянского сектора экономики в целом, и эволюции взаимоотношений между городским и сельским населением. Хорошим подтверждением того, что дело обстояло именно так, является известная специалистам история с публикацией Хрущевым 4 марта 1951 г. статьи в «Правде» под названием «О строительстве и благоустройстве в колхозах». Статья была насквозь популистской: пора, мол, отдавать долги колхозам, что и будет сделано в самое ближайшее время в форме укрупнения колхозов, создания благоустроенных «агрородов» и сселения в них жителей малых деревень, что якобы есть не что иное, как объективная закономерность строительства социализма. Сталин резко одернул мечтателя, и уже 6 марта появилось хрущевское заявление об ошибочности его публикации в «Правде» с признанием глубины заблуждений и выражением готовности выступить с самопровержением. А 2 апреля 1951 г. датируется Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», в котором предложения ряда партийцев о форсированном сселении жителей малых деревень в крупные колхозные поселки и «агророда» названы ошибочными и в корне неправильными [Бабашкин, Толстов 2016, с. 230–231].

Вот где у нас возникает особый соблазн использовать сослагательное наклонение. Ведь внимательное изучение этого документа, а также Постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» позволяет историкам составить неплохое представление о том, в каком направлении партийное руководство планировало дальнейшее развитие взаимоотношений между городом и деревней, по возможности избегая пресловутых «ножниц», т. е. неэквивалентного обмена продукцией, и гипертрофии сельско-городской миграции, всячески способствуя продолжению функционирования колхозов и совхозов в режиме самоуправления. Так хочется верить, что если бы такая линия аграрной политики лежала тогда в основе дальнейшей эволюции советского многонационального общества, то у родной деревни (в том числе и у малой, попавшей потом в разряд «неперспективных») было бы куда больше шансов сохранять в душе огромного большинства советских людей свой естественный статус малой родины как лучшего и красивейшего места на земле. Но происходило то, что происходило, и нам придется, в отличие от критиков сталинизма, воздержаться от использования частицы «бы».

А с постановлением ЦК от 30 мая 1950 г. и первыми шагами по его реализации как раз и был связан тот факт, что в народе пошло гулять выражение «вторая коллективизация» (по аналогии с тем, как в 30-е гг., в годы «первой коллективизации», советские крестьяне расшифровывали ВКП(б) как

«второе крепостное право»). Русскоязычный политический фольклор весьма часто фиксирует ту самую правду, которой, как правило, остро недостает идеологии. Так, «первое крепостное право» отменили в 1861 г. таким образом, что, как оказалось, это не могло не привести (без всяких «бы») через сорок с небольшим лет к началу крестьянской революции. Причем идеологически это преподносилось как дарование свободы «крепостным людям». Однако свободу в том смысле, в каком это слово созвучно святому для каждого жителя России понятию «справедливость», получили их внуки и правнуки. Она воплощалась в революционном лозунге «Землю – тем, кто ее обрабатывает!», и она стала одним из главных результатов крестьянской революции, в которой общинники прочно и надежно опирались на свои вековые традиции самоуправления. Нужно ли говорить, что идеология, дарованная нам в 90-е гг. при щедром финансировании из фонда Сороса, трактовала это крестьянское «второе крепостное право», мягко говоря, не совсем так?

Что касается «второй коллективизации», в нашем понимании, это было доведением до абсурда попыток государственного руководства СССР теоретически (следовательно, идеологически) вписать итоги и результаты «первой» (включая, разумеется, участие колхозников в Великой Отечественной войне) в некую логику эволюции страны, которая тщательно избегала бы упоминаний имени Сталина и той реальности, которая выше была обозначена нами как «окрестьянивание» всего нашего общественно-экономического устройства. Речь идет о более чем десятилетии аграрной политики партии, начиная с сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, и ее идеологическом обеспечении в духе «Краткого курса истории ВКП(б)». И такая эволюция советской идеологии воплощалась в то, что словесно обозначалось как «марксизм-ленинизм» или «научный коммунизм». Парадоксально: критики так называемого «сталинизма» во главе с очень обиженным на Сталина «маленьким Марксом», исходившим из своих левацких теоретических убеждений, опровергали осторожность в аграрной политике и стремились к ее радикализации, отталкиваясь от книги, которую принято ассоциировать с именем Сталина [Кедров 2022, с. 108–109].

Парадоксы (равно как и абсурды) тем хороши, что требуют для своего разъяснения обратить внимание на те вещи, которые как-то ускользали от исследователей, считались само собою разумными, что ли. В данном случае давайте вспомним, какая большая работа велась в начале 50-х гг. по написанию нового учебника политэкономии, сколь интенсивно размышлял в этом направлении и сам Сталин, не стесняясь попирает рамки «Краткого курса». У критиков же сталинизма не было другой опоры, им удобнее всего было возвести в абсолют догмы ленинизма, характерные для этого издания. Догматизированный Ленин как истинная общественная наука – марксизм-ленинизм; стали-

низм же – сплошь и рядом отступления от нее и в теории, и на практике. Действительно удобно. Но тут требуется одна важная оговорка: Ленин под давлением реально развивавшихся событий крестьянской революции всю жизнь опровергал то, что было написано в его раннем фундаментальном труде «Развитие капитализма в России». Это с блеском показано в одной из самых ярких работ Т. Шанина под остроумным названием «Четыре с половиной аграрных программы В.И. Ленина» [Современные... 2015, с. 659–676]. Остроумие здесь, в частности, в том, что авторитетный английский крестьяновед под «половинкой» подразумевает статью «О кооперации», которая была предельно догматизирована в «Кратком курсе» и в этом виде служила источником вдохновения либерально мыслящим историкам и другим обществоведам и в 60-е, и в 90-е годы прошлого века. А ведь «половинка» – это, по сути, многоточие, оставляющее возможность для дальнейшей самокритики по данному – до сих пор центральному – вопросу нашей теории и идеологии.

К вопросу о нашей теории и идеологии – у того же Т. Шанина имеется также весьма остроумное объяснение той «невыносимой легкости», с которой советские адепты марксизма-ленинизма (точнее сказать, «как бы марксизма» и «как бы ленинизма») в большинстве своем перешли в начале 90-х гг. к проповеди ценностей рынка и демократии: «Не случаен здесь быстрый переход многих русских обществоведов из ярых марксо-прогрессистов в не менее завзятые рыночно-прогрессисты сегодняшнего дня. Это не только оппортунизм, так как стержень мышления схож, как и схожа натуральная близость этой модели с интуитивными предпочтениями сильных мира, того или сего» [Шанин 1997, с. 17]. Развивая эту важную мысль классика крестьяноведения, скажем так: бессмысленно критиковать «марксо-прогрессизм» с позиций «рыночно-прогрессизма» (не говоря уже о том, чтобы наоборот); если принимать во внимание крестьяноведческую теорию «оружия слабых» [Современные... 2015, с. 64, 69, 508, 646, 647, 689], то под большим вопросом оказываются как теоретические выкладки сильных мира сего, так и автоматическое отнесение крестьян к категории «слабых мира сего».

Следовательно, совершенно недопустимо пребывание далее в той плоскости, которую задают означенные две пересекающиеся прямые идеологии прогресса (а они точно пересекаются и точно прямые, даже слишком), при решении задачи осмысления едва ли не главного вопроса нашей современной истории: что такое коллективизация? Завихрения крестьяноведения успешно взрывают эту плоскость, придавая нашему восприятию этой исторической реальности формат 3D.

Это касается и исторического краеведения. Опыт работы одного из авторов этой статьи с посетителями краеведческого музея г. Асины Томской области позволяет утверждать: культ памяти раскулаченных и репрессированных сегодня

уже доставляет когнитивный дискомфорт. Идеология «рынко-прогрессизма» с ее непереносимой гипертрофией вины нынешнего общества перед их потомками очень похожа на движение ВЛМ в современных США. Люди выражают острую потребность начинать выходить в объяснении этих травмирующих страниц нашей истории за пределы идейных схем либерализма. Навязывание скорбной памяти о событиях коллективизации (как «первой», так и «второй») отторгается, трансформируясь в массовом сознании в представления о тех временах как о золотом веке. У современных людей обостряется интерес к истории своего рода, которая в трех поколениях практически обязательно – крестьянская.

Последнее мы готовы подтвердить собственным житейским опытом. Какую логику общественного поведения предлагает нам, потомкам нерепрессированных и нераскулаченных, продолжающая по инерции превалировать идеология, восторжествовавшая в 90-е гг.? Уже этот лежащий на поверхности вопрос – лучшее свидетельство того, что пришло время идеологию решительно менять. Только не на «плюрализм».

Заключение

Опубликованное недавно исследование подтверждает тот факт, что нынешняя студенческая молодежь очень плохо знает такую страницу родной истории, как коллективизация, и большинство обладателей такого знания/незнания вполне равнодушно к этому относятся. Авторы исследования отмечают, что «ни один студент не соотнес коллективизацию с семейной историей» [Мазур, Горбачев 2022, с. 222–223]. Но это прекрасная возможность для тех, кто готов убеждать представителей молодого поколения россиян, что наше дело – «платить и каяться». Платить за то, что мы так непохожи на «демократический» Запад. Каяться за грехи большевиков/коммунистов и тех, кто шел за ними на протяжении почти трех четвертей XX века. «Марксо-прогрессизм» и «рынко-прогрессизм» есть идеологические схемы, по-своему логичные, однако равноудаленные от правды и справедливости. А по правде, по справедливости в нашей истории много такого, что должно вызывать не стыд, но гордость. На этой основе уже сейчас не без успеха создается единая идеология современной Российской Федерации.

Материалы исследования

Бабашкин 2024 – *Бабашкин В.В.* История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: Лань, 2024. 204 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/401162?category=4319&ysclid=lyfj6fdthg177748365>.

История 2017 – *История России*. 10 класс: учеб. для общеобразоват. Организаций: в 3 ч. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. Москва: Просвещение, 2017. 175 с. URL: <https://go.11klasov.net/6502-istorija-rossii-10-klass-v-3-chastjah-gorinov-mm-danilov-aa-i-dr.html>.

Мединский, Торкунов 2023 – *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История России. 1914–1945 годы. 10 класс: учебник. Москва, 2023. 496 с. URL: <https://djvu.online/file/5rRHw194JTk5V?ysclid=lyfpofxqbw113992917>.

Библиографический список

Бабашкин 2013 – *Бабашкин В.В.* Писатели о крестьянах и крестьяне о писателях. Рец. на кн.: Казарезов В.В. Крестьяне в произведениях русских писателей. Москва, 2012. 416 с.: илл. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Москва: Дело, 2013. С. 474–478. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24832649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uxksww>.

Бабашкин 2021 – *Бабашкин В.В.* О научном наследии Г.А. Герасименко: демократия и народовластие как антонимы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 9–16. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf>.

Бабашкин, Толстов 2016 – *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9, № 2. С. 216–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-agrarnogo-reformirovaniya-1930-1950-h-godov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27683161>. EDN: <https://elibrary.ru/xhuofp>.

Кабытов 2016 – *Кабытов П.С.* Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: Техно-Декор, 2016. 136 с.

Кедров 2022 – *Кедров Н.Г.* Апокриф аграрной историографии. Очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической литературе. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. 339 с.

Клеандров 2022 – *Клеандров М.И.* О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520018267-4>; № 3. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019160-7>.

Мазур, Горбачев 2022 – *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 349 с.: илл. URL: <https://litres.com/book/ludmila-nikolaevna-m/sovetskie-filmy-o-derevne-opyt-istoricheskoy-interpre-67236435/read>.

Марченя, Разин 2014 – *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» (Заседание № 3 теоретического семинара

«Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. С. 535–614. URL: <https://www.vestarchive.ru/images/stories/sb.4.pdf?ysclid=lyfoiz8taa412600086>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22871432>. EDN: <https://elibrary.ru/tgmwup>.

Современное... 2015 – *Современное* крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25224072>. EDN: <https://elibrary.ru/vfzled>.

Тараканов 2023 – *Тараканов А.В.* Обращение к участникам Межвузовской научно-практической конференции «Цивилизационные и конституционные основы российской государственности» // Цивилизационные и конституционные основы российской государственности: сб. науч. тр. межвуз. науч.-практ. конф. 22 июня 2023 г., г. Москва / ЧУ ВО «ИГА». Москва: Юстицинформ, 2023. С. 3–7.

Шанин 1997 – *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 – 1917–1922 гг. Москва: Весь Мир, 1997. 560 с. URL: <https://djvu.online/file/GaPWlbcQtKKXn?ysclid=lyfqeq13cv402839641>.

References

Babashkin 2013 – *Babashkin V.V.* (2013) Writers on the peasants and peasants on the writers. Review of the book: Kazarevov V.V. Peasants in the works of Russian writers. Moscow: Dostoinstvo, 2012, 416 p.: illustrated. In: *Peasant studies. Theory. History. Modernity. Scientific notes*. Moscow: Delo, pp. 474–478. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24832649>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uxksww>. (In Russ.)

Babashkin 2021 – *Babashkin V.V.* (2021) Regarding the Scientific Heritage of G.A. Gerasimenko: “Democracy” and “People’s Power” as Antonyms. *Historical Courier*, no. 4 (18), pp. 9–16. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf>. (In Russ.)

Babashkin, Tolstov 2016 – *Babashkin V.V., Tolstov S.I.* (2016) Features of reforming the agriculture in the 1930-ies and in the 1950-ies. *Historical Psychology and Sociology*, vol. 9, no. 2, pp. 216–234. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-agrarnogo-reformirovaniya-1930-1950-h-godov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=27683161>. EDN: <https://elibrary.ru/xhuofp>. (In Russ.)

Kabytov 2016 – *Kabytov P.S.* (2016) Life and creative work of professor Grigory Alekseevich Gerasimenko. Saratov: Tekhno-Dekor, 136 p. (In Russ.)

Kedrov 2022 – *Kedrov N.G.* (2022) Apocrypha of agrarian historiography. Essays on the study of collectivization in Soviet and Russian historical literature. Volgda: Poligraf-Periodika, 339 p. (In Russ.)

Kleandrov 2022 – *Kleandrov M.I.* (2022) On the inevitability of the development and adoption of a new Constitution of the Russian Federation and what should be in her. *State and Law*, no. 1, pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520018267-4>; no. 3, pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019160-7>. (In Russ.)

Mazur, Gorbachev 2022 – *Mazur L.N., Gorbachev O.V.* (2022) Soviet films about the village: experience of historical interpretation of an artistic image. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 349 p.: illustrated. Available at: <https://litres.com/book/ludmila-nikolaevna-m/sovetskie-filmy-o-derevne-opyt-istoricheskoy-interpre-67236435/read>. (In Russ.)

Marchenya, Razin 2014 – *Marchenya P.P., Razin S.Y.* (2014) Communist Russia as a Mega-Commune: First International Roundtable Discussions «Stalinism and Peasantry» (Session No. 3 of the Theoretical Seminar «Peasant Problem in National and World History»). In: *Marchenya P.P., Razin S.Yu. (Eds.) Stalinism and Peasantry: collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar «Peasant question in Russian and World History»*. Moscow: Izd-vo Ippolitova, pp. 535–614. Available at: <https://www.vestarchive.ru/images/stories/sb.4.pdf?ysclid=lyfoiz8taa412600086>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22871432>. EDN: <https://elibrary.ru/tgmwup>. (In Russ.)

Medinsky, Torkunov 2023 – *Medinsky V.R., Torkunov A.V.* (2023) History of Russia. 1914–1945 years. 10th grade. Textbook. Moscow, 496 p. Available at: <https://djvu.online/file/5rRHw194JTk5V?ysclid=lyfpofxqbw113992917>. (In Russ.)

Modern... 2015 – *Babashkin V. V. (Ed.)* (2015) Modern peasant studies and the agrarian history of Russia in the XX century. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 743 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25224072>. EDN: <https://elibrary.ru/vfzled>. (In Russ.)

Tarakanov 2023 – *Tarakanov A.V.* (2023) Address to the participants of the Interuniversity research and practical conference «Civilizational and constitutional foundations of Russian statehood». In: *Civilizational and constitutional foundations of Russian statehood: collection of scientific papers of the interuniversity research and practical conference. June 22, 2023, Moscow*. Moscow: Yustitsinform, pp. 3–7. (In Russ.)

Shanin 1997 – *Shanin T.* (1997) Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905–1907 – 1917–1922. Moscow: Ves' Mir, 560 p. Available at: <https://djvu.online/file/GaPWlbcQtKKXn?ysclid=lyfqeq13cv402839641>. (In Russ.)